

Гонконг — 2019: вызовы модели «одно государство — два строя»

© 2020

А. В. Виноградов

Массовые протесты в Гонконге в 2019 г. стали частью нарастающего движения противников воссоединения с КНР после половины срока, отведенного Соглашением Великобритании и КНР от 1997 г. на постепенное воссоединение в 2047 г. материкового Китая и Гонконга. Несмотря на тесное и взаимовыгодное экономическое сотрудничество, объединения двух систем не происходит. Наоборот, в Специальном административном районе Сянган нарастает конфликт идентичностей. Население Гонконга стремится сохранить свою автономию, гражданские права. Эти настроения особенно сильны у молодого поколения, выступающего главной движущей силой протестов. Победа противников интеграции с Пекином на выборах в законодательные советы в ноябре 2019 г. может стать началом формирования политической оппозиции курсу на воссоединение с Пекином и поставить под сомнение принципиальную реализуемость концепции «одно государство — два строя», перспективы распространения ее на отношения с Тайванем, а также создать угрозу реализации «китайской мечты о великом возрождении» и восстановлению Китаем своих мироустроительных функций на международной арене.

Ключевые слова: протесты в Гонконге в 2019 г., «одно государство — два строя», Китай, мироустроительные функции, интеграция в Восточной Азии.

DOI: 10.31857/S013128120008827-0

Воплощение «мечты о великом возрождении» невозможно без восстановления территориальной целостности и единства китайской нации, расколотой европейскими державами в середине XIX в. На протяжении всего этого времени чувство национальной гордости настойчиво требовало от Пекина воссоединения китайских земель и, тем более, не допускало нового проявления слабости — потери территорий в результате их суверенизации. Сложность практического решения этой задачи в начале 1980-х годов породила замысловатую формулу, плохо сочетавшуюся с западными представлениями о государстве, но дарившую надежду на объединение: «одно государство — два строя»¹. Возвращение Гонконга и Макао в состав КНР в конце XX в. окончательно решило колониальный вопрос и стало главным и несомненным внешнеполитическим успехом КНР после начала реформ. Сегодня на пути Китая к пику экономического могущества и влияния в мире этот успех уже не столь очевиден.

Виноградов Андрей Владимирович, (МГИМО МИД России), д.полит.н., участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ "азиатского поворота" в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)». E-mail: vinogradov-a@mail.ru.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

«Одно государство — два строя»

35 лет назад, стремясь к национальному объединению, все еще слабый Китай был готов на символическое решение проблемы — единое представительство на внешней арене, со строгими и непрозрачными границами внутри, которые подчеркивали принципиальное отличие социально-экономического строя и политических систем разных частей страны. В момент своего выдвижения идея «одно государство — два строя» была предназначена, прежде всего, для урегулирования крупной международной проблемы. Вытесняя Великобританию и Португалию, Китай восстанавливал свою целостность на внешней арене, оставаясь глубоко расколотым внутри, и лишь создавал предпосылки для решения внутренних проблем «самими китайцами» в будущем.

В начале XXI в. Пекин смог убедить всех, что с прошлым покончено и он научился преодолевать негативное влияние истории и свои слабости, хотя не гарантировал пока точные ответы на вызовы настоящего и будущего. Протесты 2019 г. в Гонконге стали не первым, но на сегодняшний день самым серьезным кризисом концепции «одно государство — два строя». Они поставили под сомнение способность современного китайского государства осуществлять сложные мироустроительные функции, растущая актуальность которых недвусмысленно просматривается в инициативе «Пояса и пути» и концепции «сообщества единой судьбы человечества».

Современный Гонконг является особой самоуправляющейся частью Китая, статус которой зафиксирован в Конституции КНР. Взаимоотношения Специального административного района (САР) Сянган с центром строятся по формуле, предполагающей существование двух общественных систем в едином государстве. В самом начале главную трудность в реализации этого курса китайское руководство видело в идеологических противоречиях социалистической и капиталистической моделей. За прошедшие годы обе системы не только подтвердили свою эффективность, но и установили тесное и выгодное взаимодействие. Решающую роль в сокращении различий между ними сыграла последовательная эволюция социализма с китайской спецификой от плана к рынку. Опасения идеологической несовместимости не оправдались. Проблема появилась там, где ее не ждали. Оказалось, что главная движущая сила восстановления исторической справедливости — чувство общей национальной принадлежности и китайский патриотизм, призванные объединить в едином государстве один народ с общим языком, культурой, историей, общей цивилизационной идентичностью, — отказывается действовать, а за понятием «идеологические противоречия» скрывается нечто большее, чем различие классовых интересов. Однако в первой половине 1980-х годов КПК еще оперировала преимущественно классовыми категориями и не смогла этого распознать. Одной из причин этого заблуждения была устойчивая убежденность в том, что новые отношения с Гонконгом положат начало и послужат примером для воссоединения с Китайской Республикой на Тайване, гоминьдановское правительство которой проиграло в гражданской войне коммунистам, но также стремилось к объединению всей страны.

История взаимоотношений

Возвращение Китая бывших колоний было продиктовано столкновением геополитических интересов великих держав, мнение жителей этих территорий не учитывалось или учитывалось обеими сторонами в последнюю очередь. С самого начала переговоров о возвращении Гонконга в 1982 г. Китай ясно дал понять, что ради воссоединения он готов применить силу². За годы британского правления, фактически с января 1841 г. (в 1842 г. это было официально закреплено Нанкинским договором), в Гонконге выросло десять поколений китайцев, впитавших культуру метрополии и сформировавших собст-

венную идентичность, радикально отличающую их от жителей соседних КНР и Тайваня. Для большинства гонконгцев воссоединение с континентом не было добровольным, они считали, что их предали — «сдали коммунистическому режиму». Подобные настроения давали Великобритании определенные преимущества для получения впоследствии внутреннего рычага давления на Пекин.

В нарушение достигнутых с КНР договоренностей и, вероятно, не без тайного умысла, накануне возвращения Великобритании впервые в истории предоставила жителям Гонконга избирательные права, чем еще больше укрепила их веру в свою исключительность. До соглашения с КНР губернатор Гонконга назначался королевой, обладал всей полнотой власти, принимал законы, председательствовал в Законодательном и Административном советах. Система демократических выборов органов власти отсутствовала, а деятельность политических партий по договоренности между КНР и администрацией Гонконга от 1955 года была запрещена. Правительство Великобритании определяло лишь внешнюю политику и держало здесь воинский контингент. В целом, политическое устройство территории было строго функционально, исключало возможность политической дестабилизации, что сыграло положительную роль в экономическом процветании колонии. Для Великобритании и внешнего мира Гонконг был окном в Китай и вполне успешно выполнял эту функцию.

Сохранение подобного внутриполитического устройства отвечало и коренным интересам КНР, идеально вписываясь в концепцию «одно государство — два строя», в которой Гонконг становился уже окном Китая во внешний мир. Согласно «Зеленой книге о дальнейшем развитии представительного правления в Гонконге» 1984 года, «главная отличительная черта гонконгской системы управления — консультации и консенсус — это не политическая система, созданная из политических партий, фракций и оппозиции». В ней нет политической борьбы, но есть стремление к достижению широкого общественного консенсуса и прагматичного подхода к решению актуальных проблем³. По соглашению между Великобританией и КНР 1984 года Гонконг сохранял судебную и правовую систему, полное самоуправление и финансово-экономическую самостоятельность, право на участие в международных организациях под названием «Китай, Сянган», что позволило ему стать членом ВТО, АТЭС и других международных объединений. С санкции Госсовета он получал право открывать консульские представительства, включая представительство Тайваня, но без использования флага Китайской Республики. В целом КНР просто сменила Великобританию, ограничив свои функции внешней и оборонной политикой и предоставив району большую и разнообразную автономию.

Политические реформы в Гонконге начались после соглашения о передаче его КНР⁴. С 1985 по 1996 г. английская сторона без согласования с КНР приняла 184 закона и внесла изменения еще в 845 законов, в 1991 г., в частности, был принят Билль о правах⁵. С 1985 г. Законодательный совет стал частично избираться от различных функциональных сообществ. В 1990 г. в Гонконге были созданы первые политические партии, а жителям впервые было предоставлено право выбора губернатора в соответствии с британской колониальной практикой — от профессиональных объединений, как правило, представляющих наиболее лояльные администрации группы населения. В 1991 г. часть депутатов Законодательного собрания впервые была избрана путем прямого голосования. Постепенная демократизация укрепляла культурную идентичность, придавая ей заверченный политический вид. Выступая в декабре 1992 г. в Палате лордов, Маргарет Тэтчер выразила надежду, что в продолжение этой тенденции всеобщее избирательное право в Гонконге будет введено уже в 2007 г. Действительно, в 2007 г. глава администрации Гонконга Дональд Цанг поставил перед центральным правительством вопрос о введении системы прямых выборов с 2017 г.

Основной закон (Конституция) САР Сянган был принят ВСНП в 1990 г. (САР Аомэнь — в 1993). Все функции и полномочия за исключением иностранных дел и обороны — уголовное законодательство, участие в международных организациях, таможенное, экономическое пространство, судебные решения — как и предполагалось, остались в руках Гонконга и Макао. Полномочия главы администрации мало отличались от полномочий губернатора и включали, в частности, роспуск Законодательного совета. Главу администрации избирала коллегия выборщиков, составленная из членов функциональных (профессиональных) и общественных организаций, представляющих всего 7% населения, а также из депутатов ВСНП и представителей центральных властей.

Произошедшие изменения по-разному оценивались центральным правительством и жителями САР. Для Пекина политическая система Гонконга была всего лишь точкой отсчета для начала сближения, для жителей Гонконга — высшим проявлением их идентичности. Избирательное право, которое успели даровать британцы, навсегда связало их с европейской традицией либерализма и задавало направление движения, противоположное курсу на интеграцию с авторитарным Китаем. Так были заложены и институционализированы предпосылки нынешнего конфликта.

Высокая для Пекина цена национального объединения — подчинение идеологических принципов интересам национального объединения — была зафиксирована в Совместной декларации 1984 года, подписанной М.Тэтчер и премьером Госсовета КНР Чжао Цзяном. Сохранение капиталистического анклава и особого политико-административного статуса Гонконга объяснялось еще двумя сугубо практическими обстоятельствами.

Во-первых, с самого начала переговоров о возвращении Гонконга главной задачей Пекина было сохранение торгового и финансового потенциала территории, жизненно необходимого китайской экономике на этапе реформ: Гонконг был единственным широко распахнутым окном Китая во внешний мир, на него в 1980-е — 1990-е годы приходилась основная доля прямых зарубежных инвестиций хуацяо, составлявших 77% всех иностранных инвестиций в КНР⁶, а также значительная часть внешнеторгового оборота⁷. В свою очередь и судьба Гонконга всегда зависела от континентального Китая. Гонконг начал бурно развиваться после окончания Второй мировой войны и гражданской войны в Китае, заняв в конце концов место Шанхая в качестве важнейшего финансового и торгового центра Восточной Азии. Затем он первым присоединился к локомотиву китайской экономики периода реформ и больше других выиграл от такого сотрудничества, реализовав свое главное конкурентное преимущество — географическую близость и особый характер отношений с КНР. Только в 1998 г. Китай обогнал Гонконг по экспорту товаров и услуг и занял 9-е место, оставив Гонконг на 10-м. Еще теснее двустороннее сотрудничество стало после подписания в 2003 г. «Соглашения о тесном экономическом партнерстве между Пекином и Гонконгом», которое ликвидировало торговые и инвестиционные барьеры и позволило Гонконгу занять одно из наиболее высоких мест в мире по показателям душевого дохода (почти 50 тыс. долл. США в 2018 г., в 5 раз больше, чем в КНР)⁸, а также привлекло многие китайские компании на Гонконгский фондовый рынок, увеличив их общее число вдвое⁹. Одним из следствий экономического процветания стало появление в Гонконге университетов мирового уровня и возросшая доступность высшего образования. Понимание того, что своим экономическим процветанием Гонконг обязан особому характеру отношений с КНР, сдерживало рост сепаратистских настроений.

Во-вторых, сохранение особого статуса Гонконга объяснялось необходимостью объединения Китая мирным путем, бывшая британская колония в решении этой задачи играла ключевую роль. С воссоединения с Гонконгом начинался последний этап практи-

ческого преодоления последствий колониального периода и гражданской войны и окончательного воссоединения всех частей Поднебесной.

50 лет, первоначально определенные в качестве переходного периода, казались вполне реалистичным сроком для постепенного сближения и преодоления социально-экономического разрыва, образовавшегося за предшествующие полтора века. Экономическая отсталость КНР воспринималась тогда как главное препятствие возрождению, на ее преодоление и были направлены реформы. Изначально идея Дэн Сяопина «одно государство — два строя» была способом объединения на внешней арене административно-территориальных единиц с различным социально-экономическим строем, но одновременно она создавала условия для мирного соревнования двух общественно-экономических систем в рамках одного государства и, несомненно, оказала влияние на выбор направления и ход реформ в КНР, предвосхитив в итоге их рыночный характер. Создание СЭЗ Шэньчжэнь на границе с Гонконгом, широкое распространение там рыночных принципов хозяйствования стало в конечном счете примером для всего Китая¹⁰.

Сосуществование плана и рынка на континенте сокращало отличия между КНР и Гонконгом, а выравнивание социально-экономического уровня смягчало противоречия между классовыми идеологиями и выглядело прочным фундаментом национального объединения. Политические различия на этом фоне выглядели менее значимыми и отходили на второй план.

На практике, однако, сближение экономических моделей КНР и Гонконга с течением времени парадоксальным образом подчеркивало различие их культурных идентичностей. Гонконг по-прежнему сохранял притягательность для жителей КНР, сотнями тысяч бежавших туда еще с 1950-х годов и до начала 1980-х¹¹, но уже не как источник материального благополучия, а как зона комфортной жизни, не обремененная ограничениями, существующими на континенте. В общей сложности после объединения в Гонконг из КНР переехало 1,5 млн жителей¹². В первую очередь это были наиболее обеспеченные граждане, которые искали здесь свободы, например, от ограничений на рождение второго ребенка. Миграция людей с высокими доходами стала еще одним источником экономического процветания, плодами которого пользовались, как и в колониальный период, прежде всего деловые круги и профессиональные сообщества.

Обратной стороной такого переселения стало нарушение привычного образа жизни и мощный вызов культурной идентичности, который был адресован уже не только избранным, а всем жителям Гонконга. Представители бизнеса, преподаватели и студенты из КНР не испытывали потребности учить гуандунский диалект китайского, продолжая разговаривать на пекинском¹³, отказывались демонстрировать свойственную британской культуре сдержанность в быту и т.д. Свою лепту вносили и туристы из внутренних районов. В Гонконг ежегодно приезжают 40 млн туристов из КНР¹⁴, как правило, с высоким уровнем доходов, свысока относящиеся к жителям бывшей колонии. Прямым следствием такого миграционного и туристического потока стал рост цен на товары, услуги, особенно на жилье, которое с 2000 г. подорожало почти вдвое, усилив имущественное расслоение. В 1996 г. индекс Джини в Гонконге составлял 43,44%, в 2016 г. он вырос до 53,9%¹⁵, значительно превысив соответствующий показатель КНР, где он составлял в 2016 г. 38,6%¹⁶. Экономическое неравенство и культурные отличия поляризовали Гонконг.

В гонконгском обществе всегда существовали две группы, одна из которых была ориентирована на Пекин, ясно понимая экономические выгоды от взаимодействия с континентом. Другая выступала против объединения, сделав дату воссоединения (1 июля) поводом для ежегодных протестов, усиливавшихся с каждым новым шагом к сближению.

В феврале 2003 г. в интересах КНР было инициировано рассмотрение законопроекта о безопасности, уточняющего ст. 23 Основного закона Сянган, предусматривавшего запрет на деятельность антипекинских организаций и усиление ответственности за антикоммунистическую пропаганду. Тогда в демонстрациях протеста приняли участие 500 тыс. человек, опасавшихся, что закон будет ограничивать их демократические права. В ходе этих событий впервые заявил о себе Civil Human Rights Front, объединивший все демократические оппозиционные силы Гонконга. Проект в итоге был отклонен¹⁷.

Следующие крупные протесты состоялись в год 65-летия образования КНР. В июне 2014 г. гражданскими активистами был проведен онлайн-референдум об избрании в 2017 г. главы Специального административного района на всеобщих прямых выборах, в котором приняли участие 800 тыс. человек. В июле администрация Гонконга передала доклад о пересмотре процедуры выборов главы администрации в 2017 г. и Законодательного совета в 2016 г. на рассмотрение ПК ВСНП, который эти предложения отклонил, а 31 августа принял свое «Постановление по вопросу о всеобщих выборах главы администрации Специального административного района Сянган и порядку формирования Законодательного совета в 2016 году». Согласно ему, с 2017 г. в Сянгане вводилась процедура всеобщих, прямых, равных и тайных выборов главы администрации из 2–3 кандидатов, получивших поддержку большинства в Номинальной коллегии (коллегии выборщиков). Этот вариант, ожидаемо, также был отвергнут оппозицией.

28 сентября 2014 г., накануне 65-летия КНР, в Гонконге началась акция «Оккупируй Централ»¹⁸. Ее участники выступили против планов скрыть за демократическим фасадом диктат Пекина, требовали права участия в выборах независимых кандидатов, отмены одобрения их со стороны центральных властей, а также отказа от обязательного утверждения избранного главы администрации Госсоветом КНР.

Дополнительным поводом для выступления студентов стало их недовольство внедрением в учебные программы «общекитайских» предметов, призванных воспитывать общие ценности¹⁹. В ходе массовых протестов, получивших название «революции зонтиков», пострадали 539 человек. Движение оказало негативное влияние на работу фондовой биржи, сферу общественного питания, сократился поток туристов из внутренних районов КНР, индекс Хан Сэн упал на несколько процентов. Однако через несколько недель в диалог со студентами вступили сами жители, которые призвали их навести порядок, расчистить дороги и прекратить «наносить вред Гонконгу». Через 79 дней после начала протесты прекратились.

С момента объединения Гонконг претендовал на высокую степень самостоятельности во внутренних делах и особый путь развития. Как показал 2014 г., эти настроения усилились. Через год, 18 июня 2015 г. Законодательный совет Гонконга официально отклонил предложенную ПК ВСНП модель избирательной реформы. «Против» проголосовало 28 депутатов при 8 «за». Главным итогом протестов 2014 г. стало формулирование стратегической цели — проведение политической демократизации, выдвинутой оппозицией и поддержанной, хотя и косвенно, органами власти. Наряду с четко артикулированной политической целью другим важным итогом протестов стало появление у оппозиционного движения неформальных лидеров. Один из них, Джошуа Вонг, в декабре 2014 г., когда движение уже шло на спад, провозгласил: «Студенческая группа Scholarism вместе с Федерацией студентов Гонконга продолжит борьбу за настоящее избирательное право».

Си Цзиньпин никак не реагировал на происходившие события, понимая, что Гонконг остается крупнейшим финансовым центром КНР, а Гонконгская фондовая биржа — шестым финансовым рынком мира. Вмешательство Пекина могло лишь обострить ситуацию и привести к серьезным экономическим потерям. Не менее тревожным для Пекина стало совпадение «революции зонтиков» 2014 г. в Гонконге с «революцией подсол-

нухов» на Тайване. Рост политического сознания и появление протестных движений серьезно ухудшали перспективы реализации курса «одно государство — два строя», ясно показывая, что конфликт культурных идентичностей перемещается в политическую плоскость, вовлекая и организуя массы.

Часть всекитайского политического пространства?

В условиях борьбы с коррупцией и усиления идейно-воспитательной работы на континенте отношения с Гонконгом становились важным фактором внутреннего развития. Ситуация в отношениях с ним усугублялась тем, что, «перемещение центра тяжести работы партии» с экономического строительства на совершенствование общественных отношений происходило в условиях кризиса действующей экономической модели, находящейся в фазе поиска новых конкурентных преимуществ и под жестким прессингом США.

2 января 2019 г. во Дворце народных собраний на заседании, посвященном 40-летию «Обращения к тайваньским соотечественникам», Си Цзиньпин подтвердил принципиальную позицию Пекина. «Все соотечественники, проживающие на обоих берегах Тайваньского пролива, являются китайцами, которых объединяет естественное родство и национальная идентичность»²⁰. Через полтора месяца, 18 февраля 2019 г. ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали «План развития региона "Большого залива" Гуандун-Сянган-Аомэнь» до 2022 г. и в перспективе — до 2035 г.²¹. В соответствии с ним в 2035 г. — году завершения в основном модернизации — регион должен стать инновационным городским кластером мирового уровня, «образцом для подражания по высококачественному развитию»²². Интеграция 11 городов, главными среди которых являются Гонконг, Гуанчжоу, Макао и Шэньчжэнь, должна привести к появлению экономического мегацентра подобного Силиконовой долине в США и району Токийского залива. Этот план стал завершающим пунктом государственной программы по созданию на юге Китая высокотехнологического финансово-экономического региона²³.

Практическая реализация этого плана будет означать не только создание единого хозяйственного комплекса на юге Китая, но ускоренную интеграцию Гонконга и Аомэня в КНР и дальнейшее ослабление их идентичности, представляющей для большинства населения бесспорную ценность.

За прошедшие 22 года после объединения порожденная Великобританией городская культура Гонконга приобрела ярко выраженную самобытность, не привязанную, как прежде, к метрополии. Ее носителем стало новое поколение, у которого не только сформировалась особая идентичность, но и укрепилось желание довести ее до логического завершения, добиться полноты демократических прав и демократической формы правления. Для этого существовали объективные предпосылки. Политическая оболочка гонконгской идентичности постоянно развивалась — от политически бесправного положения британской колонии до высокой степени автономии в составе КНР. Этой тенденции сопутствовала другая, тоже демократическая. Приближение середины срока, отведенного на переходный период до объединения, усиливало опасения последствий полного воссоединения с Китаем, потери уже имеющихся прав и свобод.

В самом Пекине, вероятно, также усиливались раздумья о последствиях такого воссоединения для континента. Экономические реформы привели к распространению в КНР рыночных отношений, изменению массового сознания, вытеснению государственных и общественных интересов личными. Несмотря на экономические успехи континентального Китая за последние десятилетия, по существующим на сегодняшний день критериям видно, что исторический приоритет в экономическом и культурном развитии принадлежит Гонконгу, победившему в 1970-х годах даже коррупцию.

В момент присоединения в 1997 г. примерно 60% населения Гонконга считали себя гонконгцами и не связывали свою идентичность с КНР. По последним опросам, число не связывающих себя с КНР выросло до 66%, а в период массовых выступлений доходило до 76%, среди молодежи только 3% считают себя китайцами²⁴. Летом 2019 г. Гонконгский университет опубликовал данные другого социологического опроса, которые показали, что число считающих себя китайцами жителей Гонконга снизилось и составляет менее 11%²⁵. Абсолютное преобладание гонконгской идентичности среди молодежи подтверждает крайне негативную для Пекина тенденцию.

Экономическим реформам удалось примирить конфликт классовых идеологий, но не конфликт культурных идентичностей. Несмотря на очевидные экономические выгоды, Гонконг не хочет растворяться в Китае, как и его бывшая метрополия в ЕС. Китайский патриотизм как платформа объединения, на которую делало ставку руководство КНР, не оправдался. Гонконг оказался равнодушен к «китайской мечте» о великом возрождении. «Революция зонтиков», взбудоражившая власти КНР в 2014 г. и сыгравшая, вероятно, важную роль в формировании нового внутривластного курса КПК²⁶, оказалась лишь прологом к нынешним, крупнейшим в истории Гонконга выступлениям.

Сближение социально-экономических систем предопределило, что сегодня единственное принципиальное отличие между двумя частями Китая заключается в патриотизме великодержавного возрождения и местного, освященного британскими либеральными традициями. Национальное освобождение в результате деколонизации не привело к национальному объединению. Конфликт культурных идентичностей стал проявляться и на континенте, где граждане КНР не понимают гонконгского стремления к самобытности в эпоху всекитайского единения. Для жителей Гонконга, как и для КПК и жителей КНР, идентичность оказалась важнее экономических интересов и выгод. Главный интеграционный проект Пекина оказался под угрозой. Но и это не все.

Стихийный протест жителей Гонконга против любого сближения, кроме экономического, наносит не просто удар по системе «одно государство — два строя». Это удар по авторитету власти и лично Си Цзиньпина в критически важный для КНР период развития.

Политический кризис 2019 года

Смена высшего руководства в 2012 г. задавала новое направление развитию КНР. После успешного проведения экономических реформ центр партийной работы без официального объявления переместился в область совершенствования общественных отношений. Си Цзиньпин начал борьбу с коррупцией и разложением власти, которая разрушала социалистические принципы социальной справедливости, подрывала моральный авторитет КПК и бросала вызов общественному строю. Для противодействия коррупции КНР вступила в международные организации по борьбе с экономическими преступлениями и отмыванием денег, подписала многочисленные межгосударственные соглашения об экстрадиции граждан КНР за уголовные преступления и т.д. Не меньше оснований Китай имел и для того, чтобы пресечь использование преступниками и коррупционерами Гонконга. Проект Закона об экстрадиции²⁷, внесенный в Законодательное собрание Гонконга в феврале 2019 г. главой администрации Кэрри Лам, распространялся не только на КНР, но и на Тайвань, Макао и другие юрисдикции, и не преследовал цель урезать автономию САР. Непосредственным поводом для его внесения послужило убийство, совершенное жителем Гонконга на Тайване, и скрывшимся затем дома, в Гонконге. Несмотря на такой контекст, общественное мнение Сянгана однозначно восприняло законопроект как еще одно свидетельство насильственной интеграции. Действительно, в случае одобрения законопроект позволял по решению главы гонконгской администрации

выдавать центральному правительству преступников, нарушивших законы КНР, уголовников, коррупционеров и др., к которым могли быть отнесены также противники КПК, правозащитники²⁸, т.е. все те, кто избежал выдачи по поправкам 2003 г.

Подобная интерпретация законопроекта подтвердила главное противоречие системы «одно государство — два строя»: в КНР ее считают путем к объединению с фиксированной датой — 2047 г., а в Гонконге — формулой сосуществования, ресурсы которой по сближению ограничены самой формулой, не допускают расширительного толкования, а наоборот, предполагают возможность сохранения особого статуса после 2047 г.

Первая демонстрация протеста против законопроекта состоялась 31 марта 2019 г., в ней приняли участие более 10 тыс. человек. Во время первой многотысячной акции протеста 9 июня произошли столкновения с полицией, действия протестующих были квалифицированы как бунт, что предполагает уголовное наказание участников сроком до 10 лет. Жестокость полиции, применившей слезоточивый газ, дубинки, резиновые пули и дымовые шашки, вызвала всеобщее возмущение. 15 июня Кэрри Лам отложила рассмотрение законопроекта «на неопределенный срок», но протестующие ей не поверили²⁹. В следующей акции, 16 июня, приняли участие около 2 млн человек. С тех пор протесты не прекращались.

1 июля, в 22-ю годовщину перехода Гонконга под юрисдикцию КНР, ежегодное шествие противников объединения собрало, по разным оценкам, от 190 тыс. до 550 тыс. человек. Они требовали отставки главы САР Кэрри Лам, отзыва из парламента законопроекта об экстрадиции, а также изменения процедуры выборов в Законодательное собрание, вернувшись, в сущности, к требованиям 2014 г. о всеобщем избирательном праве. Вечером 1 июля манифестанты разгромили парламент, исписали стены антиправительственными лозунгами, закрасили китайский герб Гонконга и вывесили на трибуне британский колониальный флаг.

7 июля правительство Гонконга пошло на новые уступки, объявив о бессрочной приостановке рассмотрения поправок к закону, а Кэрри Лам принесла публичные извинения за сложившуюся ситуацию. Но в воскресенье, 14 июля, тысячи людей вновь вышли на улицы. Через неделю, 21 июля, группа радикально настроенных демонстрантов ворвалась в здание Канцелярии по связям Центрального народного правительства в Сянгане, повредила государственный герб КНР, исписали стены оскорблениями. Рейтинг Кэрри Лам упал до исторического с 1997 г. минимума — 28%.

Между тем на фоне эскалации приближались выборы в законодательные советы 18 городских районов Гонконга. Администрация начала к ним подготовку. 4 сентября Кэрри Лам объявила, что проект закона будет отозван, 23 октября его официально отозвали. Джошуа Вонг не был допущен к участию в выборах. Одновременно было объявлено о начале выработки плана по изменению процедуры назначения главы администрации Гонконга. За неделю до выборов полиция предприняла штурм кампуса Политехнического университета и арестовала часть протестующих. Это было последнее, что можно было сделать перед выборами. На этом ресурсы власти были исчерпаны, применение силы и разгром штаба протестующих не привели к прекращению протестов и смене настроений. Результаты оказались прямо противоположны ожидаемым. Выборы 24 ноября 2019 г. в местные законодательные советы прошли при рекордной явке — более 71% (в 2015 г. было 47%). Сторонники Пекина потерпели сокрушительное поражение. Оппозиция получила 85% депутатских мандатов и большинство в 17 из 18 районов³⁰.

Победа была не только моральной, она придала организованный характер оппозиции, которая получила возможность провести на следующих выборах в Законодательное собрание Гонконга значительное число своих представителей и создать оппозицион-

ную действующей власти политическую силу, обладающую ясной и разделяемой большинством населения целью.

Пекин, как и в 2014 г., прямо не вмешивался в развитие ситуации и, похоже, стал свидетелем появления новой проблемы. В определенном смысле ситуация возвращается к 1984 г., но уже с новым участником, с которым предстоит заново определять принципы взаимоотношений и содержание концепции «одно государство — два строя».

Почти 200 лет Гонконг не обладал суверенитетом. Консолидация политической оппозиции открывает принципиальную возможность для такой постановки вопроса. Из сугубо функционального британского торгового и военного сообщества после смены статуса и превращения в финансовый центр Китая жители Гонконга выросли до осознания своей политической идентичности. В этих условиях лозунги Пекина за объединение вполне могут смениться лозунгами оппозиции за независимость.

На протяжении четырех десятилетий Китай до последнего избегал решительных действий как внутри страны, так и за рубежом, что стало одним из источников его успеха. Это, однако, не означает, что в его арсенале отсутствуют силовые средства. Статья 18 Основного закона Гонконга гласит: если в САР происходят беспорядки, которые создают угрозу единству и национальной безопасности КНР, центральное правительство может напрямую вводить в САР необходимые законы. Но даже без применения силы у Пекина остались рычаги для оказания экономического воздействия на непокорную территорию. Выступая на 20-летию возвращения Макао под юрисдикцию КНР 20 декабря 2019 г., Си Цзиньпин заявил о необходимости «диверсификации направлений экономического развития» Макао³¹. В этом заявлении на Западе увидели желание Пекина превратить Макао в новый финансовый центр Восточной Азии.

Нет никаких сомнений в том, что Пекину удастся преодолеть негативные последствия экономического спада в Гонконге. Исключительно важная роль в начальный период проведения реформ в континентальном Китае способствовала сохранению идентичности Гонконга. Играв системобразующую роль в политике реформ и открытости, он постепенно становился неотъемлемой частью экономической системы КНР. Но время, когда ему не было альтернативы, прошло, за 40 лет сформировались мощные международные финансовые центры в Пекине, Шанхае и Шэньчжэне, куда, по крайней мере частично, переместится финансовая активность. Острая зависимость Пекина от Гонконга пропала, а у Гонконга, наоборот, усилилась. Экономическое положение Гонконга на протяжении всего этого времени улучшалось³², но его место в экономике КНР неуклонно снижалось. После 1997 г. доля Гонконга в ВВП КНР с 17% снизилась до 3%, а в 2018 г. его впервые превзошла экономика соседнего Шэньчжэня. Китай успешно использовал Гонконг, который становился экономической частью КНР, но одновременно терял свою уникальность. Но все же остается одна сфера, в которой его трудно заменить — особая роль в объединении Китая. Вызванный политическими потрясениями экономический кризис в Гонконге неизбежно лишит его пилотной роли в осуществлении концепции «одно государство — два строя».

Тень Тайваня и «Пояс и путь»

В 1981 г. идея «одно государство — два строя» была сформулирована для воссоединения с Тайванем, и хотя в 1980-е годы она не осуществилась, историческая задача не потеряла актуальности. Протесты в Гонконге бросили новый вызов ее решению. Подобно тому, как в свое время возвращение Аомэня под юрисдикцию КНР было поставлено в зависимость от возвращения Гонконга³³, так и мирное возвращение Тайваня в значительной степени зависит от интеграции Гонконга в КНР. Политические выступления в Гонконге в 2019 г. заронили сомнения в ее реалистичности. Выясняется, что

одних экономических ресурсов для реализации этого плана КНР недостаточно. Экономическое давление оказывается малоэффективным и контрпродуктивным. Гонконг несет серьезные экономические потери, но они пока никак не сломили его стремления к сохранению идентичности.

Неэффективность имеющихся в распоряжении Пекина средств усугубляется негативным эффектом от их применения на международной арене. Экономические санкции, а тем более применение силы, способны нанести непоправимый ущерб его репутации и продемонстрировать жителям Тайваня непривлекательные перспективы практической реализации идеи «одно государство — два строя».

Уже сейчас политические процессы в Гонконге обнаруживают тесную связь с политическим развитием на Тайване, который, как и Гонконг, находясь в орбите КНР, чутко реагирует на каждое возмущение в движении другого спутника. «Революция подсолнухов» на Тайване в марте 2014 г. показала жителям Гонконга пример в борьбе с экспансией КНР. Тогда жители Тайваня выразили протест планам углубленной интеграции, в действительности экономически более выгодной Тайваню, чем КНР. На этот раз уже события в Гонконге оказывают влияние на Тайвань и серьезно улучшили позицию действующего президента Тайваня, избранной от выступающей за независимость Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь на президентских выборах в феврале 2020 г.

Объединение Родины — важнейший пункт плана по возрождению Китая. Часть Большого Китая, демонстрируя политическую оппозицию центру и не соглашаясь с патриотической идеей Пекина, ставит под сомнение саму идею возрождения, во всяком случае, требует ее уточнения, бросая вызов не только руководству КПК, но и состоятельности теории Си Цзиньпина о возрождении, частью которой, хотя и широко не афишируемой, является восстановление мироустроительных функций Поднебесной.

Концепция «одно государство — два строя» выступала первым частным случаем реализации мироустроительной функции Китая на внешней арене. Сейчас эти функции могут быть реализованы в инициативе «Пояса и пути». Как следует из материалов XIX съезда КПК, Китай не ставит задачу опередить развитые страны Запада по уровню экономического развития и тем более ВВП на душу населения, но претендует на то, чтобы стать примером справедливого общественного устройства.

Авторитет Китая и привлекательность его модели на пространстве Евразии и Африки базируется не только на размерах потенциальных инвестиций, темпах роста и масштабах экономики. Эффективность экономики не может компенсировать недостатки политической системы и государственного устройства. Претензии на моральное лидерство предполагают уважение интересов и ценностей внешнего мира, не допускают использования силы, включая экономические санкции. В этих условиях Гонконг больше не критически важная точка экономического роста, но он сохранил свое значение как опытное пространство мироустроительных функций Китая.

-
1. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 52, 61, 92–95.
 2. История Китая с древнейших времен до начала 21 в. Т. 9 Реформы и модернизация. / отв. ред. А.В.Виноградов. М., 2016. С. 248.
 3. Дайи чжэнчжи луйпишу. Дайи чжэнчжи цзай Сянган дэ цзиньбу фачжань. Ди шицзю чжан: [Зеленая книга представительной политической системы. Дальнейшее развитие представительной политической системы в Гонконге. (19-я статья.)] // Сянган чжэнчжи фачжань цзыляо тунбянь. Сянган, 1984. С. 264.

4. Реформы административного плана начались немного раньше. В 1982 г. были созданы 18 районных советов, треть депутатов которых напрямую избиралась населением. См.: Дайи чжэнчжи люйпишу. Дайи чжэнчжи цзай Сянган дэ цзиньibu фачжань. Ди шиу чжан: [Зеленая книга представительной политической системы... (15 статья)]. Сянган, 1984. С. 263.
5. Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в 1980-е — 1990-е годы 20 в./ под ред. Л.М. Гудошников. М., 2001. С. 434.
6. Афонасьева А.В. Как зарубежные китайцы помогают КНР // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 31. — «В 1979–1985 гг. примерно 2/3 иностранных инвестиций в Китае были из Гонконга». Александрова М. Стратегия внешнеэкономической деятельности КНР // История Китая с древнейших времен до начала 21 в. т. 9. Реформы и модернизация. 1976–2009. С. 265. «И до сих пор Гонконг лидирует в качестве основного источника иностранных инвестиций в КНР. По состоянию на 2015 г. на него приходилось 68% зарубежных инвестиций в экономику Китая». Новоселова Л.В., Терентьева Т.Г. Инвестиции // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М., 2016. С. 108.
7. В 1981 г. на Гонконг и Макао приходилось 17,3% внешнеторгового оборота КНР. История Китая с древнейших времен до начала 21 в. См.: История Китая с древнейших времен до начала 21 в. т. 9. Реформы и модернизация. М., 2016. С. 246. «В 1997 г. на Гонконг приходилось 14% внешнеторгового оборота». Там же. С. 501.
8. World Economic Outlook Database — October 2019. IMF. <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> В Восточной Азии Гонконг уступает только Аомэню и Сингапуру.
9. О Соглашении о тесном экономическом партнерстве см.: *Портяков В.Я.* Муравей грызет кость. М., 2018. С. 422.
10. *Портяков В.Я.* Шэньчжэньский камертон. М., 2017. С. 23.
11. История Китая с древнейших времен до начала 21 в. т. 9. «Реформы и модернизация. 1976–2009». М., 2016. С. 255. О масштабе и роли этой миграции свидетельствует, в частности, то, что по гонконгскому законодательству для получения права на участие в выборах необходимо проживать в Гонконге всего 7 лет. Дайи чжэнчжи люйпишу. Дайи чжэнчжи цзай Сянган дэ цзиньibu фачжань: [Зеленая книга представительной политической системы. 1984. С. 262.
12. Audrey Jiajia Li. With divergent values, it's increasingly difficult for Hongkongers and mainlanders to understand each other. // South China Morning Post. 02.07.2019.
13. После 1997 г. было установлено равенство китайского и английского языков, в этих условиях выбор континентальными китайцами английского в качестве предмета обучения и средства общения, а не кантонского, был очевиден.
14. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/27/world/asia/hong-kong-protests-identity.html>.
15. URL: https://www.indexmundi.com/hong_kong/distribution_of_family_income_gini_index.html.
16. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=CN>.
17. См.: «One country, two systems» in crisis: Hong Kong's transformation after handover./ ed. by Wong Yiu-chung. Plymouth, 2008.
18. Occupy Central — по аналогии с движением Occupy Wall Street в 2014 г. Нью-Йорке.
19. Ломанов А. Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. М., 2016. Т. 13. № 5. С. 143.
20. Xi Jinping chuxi «Gao Taiwan tongbao shu» fabiao 40 zhounian jinianhui bing fabiao zhongyao jianghua. (Си Цзиньпин принял участие в торжественном заседании посвященном 40-летию опубликования «Обращения к тайваньским соотечественникам» и выступил с важной речью.) URL: <http://tw.people.com.cn/GB/43949/423685/index.html>.
21. Чжунгун чжунъян гоуюань иньфа Юэ Ган Ао Даваньюй фачжань гуйхуа ганьяо. (Совместный документ ЦК КПК и Госсовета План развития района «Большого залива» Гуанчжоу, Гонконг, Макао.) URL: <http://gd.people.com.cn/n2/2019/0218/c123932-32652816.html>.
22. URL: <http://gd.people.com.cn/n2/2019/0218/c123932-32652816-2.html>.
23. См.: *Портяков В.Я.* Шэньчжэньский камертон. М., 2017. Сс. 22, 59, 76.
24. Audrey Jiajia Li. With divergent values, it's increasingly difficult for Hongkongers and mainlanders to understand each other. // South China Morning Post. 2.07.2019.
25. В то время как гонконгцами считают себя 52,9%. См. South China Morning Post. 20.12.2019. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3042920/chinese-president-xi-jinping-heaps-praise-macau-citing>.

26. Виноградов А.В. Новый авторитаризм в Китае // Социально-политическая ситуация накануне 19 съезда КПК. / отв. ред. А.В.Виноградов. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 15 и 17 марта 2017 г.) ИМ. Серия В. Выпуск 32. Общество и государство в Китае в ходе реформ. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 46–47.
27. «Fugitive Offenders and Mutual Legal Assistance in Criminal Matters Legislation Bill 2019» («Законопроект о Беглых преступниках и взаимной правовой помощи по уголовным делам»).
28. См. CAP 503 Fugitive Offenders Ordinance. URL: <https://www.hkllii.hk/eng/hk/legis/ord/503/index.html>.
29. С момента избрания Кэрри Лам воспринималась жителями Гонконга как ставленник Пекина. По опросам общественного мнения накануне выборов главы администрации в 2017 г., ее поддерживали 27,6% населения Гонконга, а экс-министра финансов Джона Цанга 44%.
30. The Guardian. 24 November 2019.
31. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/1221/c64094-31516605.html>.
32. С 2003 г. БВП Гонконга вырос в 2 раза. Hong Kong Inequality Report. HK, L., 2018. P. 14. URL: https://www.oxfam.org.hk/tc/t/news_and_publication/16372/Oxfam_inequality%20report_Eng_FINAL.pdf.
33. История Китая с древнейших времен до начала 21 в. т. 9. «Реформы и модернизация. 1976–2009». М., 2016. С. 316.

A.Vinogradov. Hong Kong — 2019: A Challenge to the “One State — Two Systems” Concept

Mass protests in Hong Kong in 2019 became a part of the growing opposition movement to the reunification with the PRC in 1997. Half time allotted by the 1984 Joint Declaration between the UK and the PRC for the gradual reunification with the PRC in 2047 has passed. Despite the close and mutually beneficial economic ties the reunification of the two systems does not occur. On the contrary, a conflict of identities is growing in the Special Administrative Region of Hong Kong. The Hongkong citizens strive to maintain their autonomy and civil liberties. These sentiments are especially strong among the younger generation, which is the main driving force of the protests. The victory of the opponents to the integration with Beijing in the District Council elections in November 2019 could be the beginning of the formation of political opposition to the course for reunification with China and cast doubt on the fundamental feasibility of the concept “One State — Two Systems”, the prospects of its extension to relations with Taiwan, and also create a threat to the realization of the "Chinese dream of the great rejuvenation" and the restoration of its world-building functions in the international arena.

Key words: 2019 Hong Kong protests, “One State — Two Systems”, China, world-building functions, integration in East Asia.